

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ В АСПЕКТЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МИРА

Окружающий человека мир не хаотичен, а определенным образом структурирован, и его восприятие также имеет упорядоченный характер. Оно предполагает не просто регистрацию информации, но и ее интерпретацию, то есть обработку, на каждом этапе которой выполняются особые функции.

Восприятие тесно связано с двумя основными процессами познавательной деятельности человека: концептуализацией и категоризацией и, таким образом, неотделимо от концептуального содержания сознания. В связи с этим в когнитивной психологии принято считать, что структура восприятия и концептуальные системы основываются на сходных принципах [19; 8; 22].

Рассмотрение языка и мышления как производных предметно-практической познавательной деятельности человека позволяет изменить представление о том, как человек категоризирует и концептуализирует окружающий мир. В настоящей статье предлагается более детально рассмотреть общетеоретические проблемы концептуализации, а также проанализировать некоторые особенности морфологических категорий в аспекте концептуализации мира.

Несмотря на то, что концептуализация является предметом изучения в таких науках, как когнитивная психология, психолингвистика, когнитивная лингвистика, содержание понятия «концептуализация» не имеет пока однозначного определения. В понимании Р. М. Фрумкиной, операция концептуализации предстает как «процесс поиска смысла», которая формируется «в контексте социальной жизни, ибо создание смыслов определяется культурой» [25: 63].

Несколько иное определение дается в рамках модели продуцирования речи, предложенной В. Левелтом. В ней концептуализация рассматривается как «суммарный итог ментальных процессов, обеспечивающих продуцирование речи» [6]. Эти процессы включают в себя намерение, отбор и упорядочение информации. В качестве продукта концептуализации здесь выступает довербальное сообщение.

Несложно заметить, что представленные психолингвистические трактовки основаны на выделении частных аспектов процесса концептуализации, но в них отсутствует представление о концептуализации как о глобальном, основополагающем процессе, обеспечивающем единство восприятия, категоризации и репрезентации, т. е. познавательную деятельность человека в целом.

В этом плане более полным представляется определение, данное А. А. Залевской. В ее понимании, концептуализация – это преломление в сознании человека окружающего его мира, существующих в последнем объектов, действий, состояний, связей и отношений между ними [13: 5]. Данное определение создает предпосылки для развития собственно лингвистического понимания этого процесса.

В самом общем виде процесс концептуализации представляется лингвистами как способ восприятия и организации мира, который находит отражение в языке [9: 39], или как способ членения мира, характерный для того или иного языка [24: 3].

Наиболее полное и всестороннее определение концептуализации с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы предлагает Е.С. Кубрякова. Процесс концептуализации, в ее понимании, связан с преломлением в голове человека не только сущностей внешнего мира, он «охватывает также осмысление и собственно внутреннего мира человека, а также, что не менее важно, своеобразное «освоение» любых выражаемых возможных миров» [16: 14]. Он «ориентирован на членение потока информации и порождение новых смыслов, отражающих его осмысление» [17: 190].

В более широком смысле концептуализация, по мнению Н.Н. Болдырева, – это один из основных мыслительных процессов, с помощью которых мы воспринимаем, познаем

окружающий мир, внутренний собственный мир; это процесс, с помощью которого мы формируем, организуем, структурируем наши знания о мире, и результаты этого процесса в той или иной мере отражаются в языке. Концептуализация представляет собой двусторонний процесс. С одной стороны, он связан с осмыслением сущностей внешнего мира, внутреннего мира человека, а также любых возможных миров и мира языка. С другой стороны, он приводит к формированию концептов о тех или иных осмысленных явлениях и сущностях, т. е. структур знания.

Таким образом, вполне логично рассматривать концептуализацию динамически: как процесс и как результат когнитивной переработки информации человеком. Ингерентно динамическую природу концептуализации отмечает Р. Ленекер [5], а Ж. Верньо подчеркивает главную роль действия в процессах концептуализации, которая, по его мнению, происходит из действия и из языка [12]. Иными словами, концептуализация – это основной процесс (наряду с категоризацией), заключающийся в осмыслении потока информации, поступающей к человеку по различным каналам (в том числе, и через язык) и его дальнейшем членении. Он приводит к порождению новых смыслов, а также к образованию концептов как содержательных оперативных единиц знания (концептуальных структур) и всей концептуальной системы человека, т.е. концептуального уровня.

Целесообразность и необходимость выделения такого уровня аргументированно обоснована Н. Н. Болдыревым в рамках функционально-семиологического подхода. Концептуальный уровень, по мнению Н. Н. Болдырева, представляет собой уровень категориальных значений и смыслов, который «обеспечивает систематизацию, выбор и комбинаторику языковых знаков с целью выражения определенных мыслей, а также их интерпретацию при понимании текстов» [10; 18: 8] (ср. тж. идеи У. Чейфа [26], С.Д. Кацнельсона [15]). Признание концептуального уровня основывается на более общей идее Р. Джекендоффа о существовании единого уровня представления знаний, на котором совмещаются языковая, сенсорная и моторная информация [4, 22].

Данное положение является исходным для теорий, связанных с изучением концептуальных структур в рамках когнитивной парадигмы (концептуальная семантика Р. Джекендоффа, теория идеализированных моделей Дж. Лакоффа, теория ментальных пространств Ж. Фоконье, концептуальная грамматика Л. Талми, когнитивная грамматика Р. Ленекера и др.), хотя каждая из них представляет свое видение проблемы. В целом, в современной лингвистике существование концептуального уровня ни у кого не вызывает сомнений, однако, особого рассмотрения требует проблема его статуса. В настоящее время сформировалось два основных подхода к статусу концептуального уровня.

Первый из них берет свое начало в лингвистической теории У. Чейфа и в процедурной семантике Дж. Миллера и Ф. Джонсон-Лэрда и разрабатывается в американской версии когнитивной лингвистики (работы Р. Джекендоффа, Р. Ленекера).

Согласно этому подходу концептуальный уровень отождествляется с семантическим и результатом концептуализации считается значение языковых выражений. Сам процесс концептуализации Р. Ленекер интерпретирует достаточно широко – как устоявшиеся концепты, новые, впервые создаваемые концепты, чувственный, моторный и эмоциональный опыт, знание природного, социального и лингвистического контекстов, специально разработанная система знаний и т. д. [5: 2]. Семантические структуры, в понимании Р. Ленекера, – это концептуальные структуры, вызываемые в сознании языковыми формами, а значение равно концептуализации [5]. В рамках данного подхода, концепт понимается Р. Джекендоффом как ментальная репрезентация, которая может служить значением языкового выражения [3: 26].

Согласно второму подходу, на котором основывается отечественная версия когнитивной лингвистики, разрабатываемая в работах Е. С. Кубряковой, Н. Н. Болдырева и их учеников, концептуальный уровень рассматривается как отличный от семантического.

Противопоставление и выделение концептуального уровня берет свое начало в работах отечественных лингвистов К. С. Аксакова, А. А. Потемни, В. П. Сланского,

И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы, А. М. Пешковского, в которых в общем виде была высказана идея разграничения языкового и мыслительного содержания. В дальнейшем, она получила развитие, в частности, в трудах М. Бирвиша о концептуальном уровне в сознании человека, отличном от собственно семантического, и работах Р. И. Павилениса, связанных с противопоставлением концептуальных систем (как важнейших основ мыслительной деятельности) языковым.

М. Бирвиш, настаивая на необходимости четкого разграничения чисто языкового уровня значения и неязыкового уровня концептуальной репрезентации, исходит из того, что индивид может иметь разные виды знаний, не обязательно связанные с семантической системой языка и что некоторые высказывания допускают интерпретации, не являющиеся частью чисто языкового знания. Таким образом, концептуальный уровень рассматривается М. Бирвишем как уровень интерпретации значения языковой единицы. Как следствие этого, вариативность значений объясняется эффектами концептуальной интерпретации [1, 20]. Аналогичной точки зрения придерживается Р.И. Павиленис, рассматривающий понимание языкового выражения как его интерпретацию в определенной концептуальной системе [20: 116].

Как видно из приведенных высказываний, дифференциация концептуального и семантического уровней не означает их абсолютного противопоставления, а предполагает одновременно и их тесное взаимодействие. Оно проявляется в частности в том, что семантика имеет два направления связей – в сторону концептуальной системы и в сторону языковой системы и, таким образом, оказывается некоторым «мостиком» или «интерфейсом», связывающим языковую систему с концептуальной [26; 7].

Вопрос о связи двух систем оказывается весьма существенным с точки зрения анализа их сущности. Связь языковой и концептуальной систем проявляется не только в том, что язык отражает результаты процесса концептуализации, он также играет существенную роль в процессе формирования, организации и структуризации знаний о мире (т.е. в процессе концептуализации) и в создании концептуальной системы.

Еще в логической грамматике полагали, что языки представляют собой средства обозначения уже готовой мысли, образовавшейся без участия языка. Это утверждение было подвергнуто анализу А.А. Потебней. Он не оспаривал роль языка как средства обозначения готовой мысли, однако, считал эту функцию вторичной, так как, по мнению А.А. Потебни, «языки потому только служат обозначением мысли, что они служат средством преобразования первоначальных доязычных элементов мысли и поэтому могут быть названы средствами создания мысли» [21: 166].

Данная точка зрения разделяется и философами. В частности, Г.А. Брутян отмечает, что «через вербальные образы и языковые модели происходит дополнительное видение мира» и язык в этом смысле служит еще одним источником познания и осмысления реальности, расширяя картину знаний и корректируя ее [11: 228].

Р.И. Павиленис представляет роль языка в создании концептуальной системы следующим образом. Естественный язык выступает в «качестве кода для концептов системы» и тем самым «символически кодирует определенные концепты концептуальной системы мира». Это, в свою очередь, приводит к построению «определенного концепта о самом языке, содержащего знание о физических и грамматических его характеристиках» [20: 112 – 114]. На основе усвоения и по мере построения концепта о грамматическом строе языка, последний дает возможность, манипулируя вербальными символами, манипулировать концептами системы. Это означает, что создается возможность с помощью языка строить в концептуальной системе новые концептуальные структуры.

Такая двоякая роль языка в создании концептуальной системы приводит к тому, что, по образному выражению Р.И. Павилениса, язык оказывается «вплетен» в концептуальную систему и служит для дальнейшего строения и символического представления содержания определенных концептуальных систем [20: 117].

Концептуальное содержание также обнаруживает двустороннюю связь с языком. Она проявляется, с одной стороны, в том, что анализ концептуального содержания невозможен без языка, так как общепризнанно, что не существует другого способа доступа к сознанию. Практически, это частично было осознано еще в рамках структурного направления. Так, З. Харрис считал язык одним из основных источников наших знаний о культуре (или «мире значений») данного народа и о различиях или членениях которые там существуют [2: 188]. Позднее эта идея бала развита и обоснована в логико-философской концепции языка Р.И. Павилениса, в которой особо отмечается, что «мы не располагаем другим, кроме языка, средством объяснения нашего познания и понимания мира» [20: 113].

С другой стороны, как утверждается в когнитивной лингвистике, без анализа концептуального содержания невозможно объяснить использование языковых форм. Морфологические, синтаксические и другие грамматические формы), а также значения слов связаны с представлением человека о мире, то есть с его концептуальной системой. Как заметил в одной из своих научных лекций Н.Н. Болдырев, «только обращаясь к концептам разного уровня, к разным форматам знания, способам организации этих знаний, мы можем до конца понять и объяснить использование языка, с одной стороны, а с другой – понять и те мыслительные процессы, которые за ними стоят, то, каким образом работает язык».

Таким образом, вполне логичным представляется рассмотрение морфологических категорий в аспекте концептуализации мира. Такое рассмотрение направлено на то, чтобы объяснить особенности организации и использования морфологических категорий современного английского языка, а также выявить те концептуальные структуры, которые лежат в их основе и тем самым показать всю концептуальную систему языка, представленную морфологически.

Концептуальная система, как известно, репрезентируется языковыми средствами различных уровней, с помощью каждого из которых объективируется только лишь определенная ее часть. В объективации и репрезентации категориальных значений, составляющих часть стабильного компонента концептуальной системы, особая роль отводится морфологическим категориям. С их помощью кодируются основополагающие стабильные значения, которым принадлежит важная роль в установлении обратных связей между двумя планами: языковым и концептуальным.

Иными словами, возможно говорить об особом типе репрезентации – морфологической, которая подразумевает языковое представление категориальной части концептуального содержания посредством морфологических категорий и форм. Последние обеспечивают своеобразную структурную рамку для концептуального материала, выраженного лексически. Морфологические категории, вследствие этого, носят «глобальный, максимально абстрагированный характер и ориентированны в большей степени на уточнение и коррекцию в синтаксисе» [18: 16].

Представление категориальной части концептуального содержания с помощью морфологических категорий и форм происходит в виде морфологически передаваемых концептов, которые составляют часть собственно языковых знаний и тесно связаны с основными онтологическими категориями такими, как время, количество, отношение и т.д. Они являются результатом «обобщения информации о языковых объектах, их свойствах и употреблении, а также о том, как связи и отношения между языковыми объектами отражают отношения между реалиями окружающего мира [10: 46].

Между морфологическими категориями и концептами, которые они репрезентируют отсутствует одно-однозначное соответствие. В основе категории может лежать один концепт (категория числа), несколько концептов (категории вида, степеней сравнения), что может быть рассмотрено как следствие одной из общих тенденций, выделяемых Е.С. Кубряковой в развитии языковых категорий. Она называет это тенденцией к утере единого основания и дроблению ее «фокусов» или же переосмыслению. Это, соответственно, приводит к многообразию смыслов и форм их выражения (ср. в английском языке разнообразие форм передачи различных оттенков значения будущего и модальных значений), а также к

наслоению категориальных смыслов (например, временных и аспектуальных) и возникновению сложных грамматических форм (в английском языке – система видо-временных форм).

В морфологии объективируются только те структуры, которые имеют значимость для конкретного языка на определенном этапе его развития. В этом смысле можно говорить о национальном своеобразии морфологии, так как, по утверждению Ю.С. Степанова, конкретные морфологические категории (как то падежа или вида) имеются лишь в определенных языках и на определенном этапе их развития [23]. В этом плане показательным примером может служить морфологическая система английского языка, в которой в ходе исторического развития некоторые категории полностью утратились (например, род), а другие – значительно сузили сферу своего функционирования (падеж, лицо). Как видно, это произошло с теми категориями, содержательные функции которых, могли быть компенсированы другими средствами, в первую очередь, синтаксическими и лексическими.

Однако более стабильной среди морфологических категорий английского языка оказывается категория числа имени существительного. Это объясняется тем, что в ее основе лежит концепт КОЛИЧЕСТВО, который относится к числу концептов, наиболее существенных для построения всей концептуальной системы, то есть организующих концептуальное пространство и выступающих как главные рубрики его членения.

Концепт КОЛИЧЕСТВО находит репрезентацию не только в системе существительного, но и в системе прилагательного и глагола. Рассмотрим подробнее особенности репрезентации концептуализации количества в системе имени существительного.

По способу репрезентации в системе имени существительного концепт КОЛИЧЕСТВО оказывается преимущественно грамматическим, а точнее, морфологическим (категория числа). Как установлено на основе всестороннего анализа в исследовании С.В. Иволгиной, концептуализация количества осуществляется на трех уровнях. На первом уровне формируется количественное представление, на втором уровне – количественное понятие недискретности и на третьем – количественное понятие дискретности [14]. В системе морфологической категории числа получают реализацию только второй и третий уровни концептуализации количества. В этом случае концепт КОЛИЧЕСТВО преломляется в морфологически передаваемый концепт числа. По структуре он оказывается двумерным, включающим два основных компонента.

В качестве первого компонента – когнитивного основания – в нем выступает абстрактное понятие количества, выраженное частным случаем его проявления – числом, в основе которого лежит противопоставление единичности/множественности. Второй компонент концепта представлен конкретными смыслами языковых единиц (существительных) со значением числа.

Учитывая то, что концепт как минимальная единица универсального предметного кода обнаруживает нежесткую, неоднородную и многослойную структуру, содержание которой не является постоянным, представляется возможным выдвинуть предположение о его прототипической организации.

В соответствии с этим и концепт числа обнаруживает прототипическую организацию. Прототипичным представителем в нем, по наблюдению ряда исследователей, является множественность. Соответственно, прототипическим признаком оказывается дискретность, так как именно этот признак, по утверждению С.В. Иволгиной, является наиболее выделенной для нашего сознания характеристикой количества [14: 182].

Дискретность эксплицируется с помощью различных смыслов, передаваемых формой множественного числа, таких как: разделительная множественность (tables, books), репрезентативная множественность (the Browns), двойственная множественность (his legs = 2), конкретная множественность (более двух) (the dog's legs = 4), неопределенно большое количество массы (waters, sands), многосортность (teas, wines). Как видно из представленных

смыслов, признак дискретности проявляется в них в различной степени и по мере продвижения от прототипа ослабевает, постепенно (градуально) переходя в недискретность.

Признак недискретности занимает, таким образом, периферийное положение в структуре концепта. Он эксплицируется формой единственного числа, передающей следующие основные смыслы: собирательная множественность (*team, covey*), совокупная множественность (*run, avalanch, benthos*), конкретная единичность так называемой «спянной совокупности» (*family, advice, gentry, furniture*), конкретная единичность «комплекта» или парного предмета (*spectacles, trousers, tights, glasses*), конкретная единичность (*table, book*), общность (*The lion is the king of animals*). Несложно заметить, что в перечисленных смыслах, передаваемых формой единственного числа, признак недискретности также выражается в различной степени и по мере продвижения к периферии усиливается.

Таким образом, при рассмотрении морфологических категорий в аспекте концептуализации мира они оказываются не застывшими сущностями с жесткой оппозитивной внутренней структурой (как это было принято считать в традиционной грамматике), а динамически развивающимися, внутренне вариативными, передающими широкий спектр смыслов, формирующихся в процессе их функционирования.

Список использованной литературы

1. *Bierwisch M.* Formal and lexical semantics // Proc. of the XIII-th International Congress of Linguists. Tokyo, 1983. P. 122-136.
2. *Harris Z.* Methods in structural linguistics. N. Y., 1951.
3. *Jackendoff R.* Languages of the Mind. Essays on Mental Representation. Cambridge, Massachusetts, London, England., 1996.
4. *Jackendoff R.* Semantics and Cognition. Cambridge, M A., 1984.
5. *Langacker, R. W.* Concept, image and symbol: the cognitive basis of grammar. Berlin; N. Y., 1990.
6. *Levelt W. J. M.* Speaking: From intention to articulation. Cambridge, M A., 1993.
7. *Taylor J. R.* Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. Oxford, 1995.
8. *Андерсон Дж.* Когнитивная психология. СПб., 2002.
9. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37 – 67.
10. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.
11. *Брутян Г. А.* Очерки по анализу философского знания. Ереван, 1979.
12. *Верньо Ж.* К интегративной теории представления // Иностранная психология. М., 1995. Т. 3. № 5. С. 9 – 17.
13. *Залевская А.А.* Некоторые вопросы отображения реальности у пользователя языком // Реальность, язык и сознание. Тамбов, 1999. Вып. 1. С. 4 – 14.
14. *Иволгина С.В.* Уровни концептуализации количества и их языковая реализация (на материале английского глагола) // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 151 – 153.
15. *Кацнельсон С. Д.* О грамматической семантике // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. М., 1974. С. 66 – 76.
16. *Кубрякова Е.С.* О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии // Реальность, язык и сознание. Тамбов, 2002. Вып.2. С. 5 – 15.
17. *Кубрякова Е.С.* Теоретические проблемы русского словообразования (транспозиция в концептуализации и категоризации мира) // Русский язык: история, судьбы и современность. М., 2001. С. 190 – 191.
18. Моделирование процессов функциональной категоризации глагола. Тамбов, 2000.
19. *Найссер У.* Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии. М., 1976.
20. *Павилёнис Р. И.* Проблема смысла: современный логико - философский анализ языка. М., 1983.
21. *Потебня А. А.* Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
22. *Солсо Р.* Когнитивная психология. СПб., 2002.

23. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения (семиологическая грамматика). М., 2002.
24. Урысон Е.В. Языковая картина мира vs обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 3 – 21.
25. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М., 2001.
26. Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. XII. С. 35 – 73.

Г.Г. Пересыпкина

ГЛАГОЛЫ АУДИОПЕРЦЕПЦИИ: ОТ АРХЕТИПОВ К КОНЦЕПТАМ

Современный взрослый человек структурирует поступающие через органы восприятия стимулы извне, он «организовывает» полученную информацию. Перцептуальные акты «оказываются тесно связанными с процессами не только бессознательной классификации сенсорных ощущений, но и с процессами категоризации и концептуализации мира» [4:15].

Обратимся к ментальным основам языкового знания человека и на примере глаголов аудитивной перцепции современного немецкого языка проследим истоки зарождения концептов и последующего формирования концептуальной системы человека.

Концепт «Восприятие», как и любой другой, нельзя создать, его можно лишь выявить, смоделировать лингвистически, т.е. описать языковые средства, требуемые для его адекватного выражения. Восприятие, понимаемое как обобщение сенсорного или чувственного опыта в виде отражения объективной действительности и в картине мира, естественно присутствует в нашей жизни. Оно являет собой не только механизмы получения чувственных данных, но и процессы их обработки, а также способности человека выделять, членить, дискретизировать и формировать их целостный образ. Взяв за основу отдельные сенсорные акты, можно сегментировать органически взаимосвязанные составляющие концепта Восприятие: визуальное, аудитивное, вкусовое, обонятельное, тактильное, кинестетическое и детально описать «материальное воплощение мыслительных структур в виде знаков со своими «телами» [1: 34]; в нашем случае это глаголы слуховой перцепции. Именно «глаголу присуща способность в свернутом виде номинировать сложные структуры знания, обладающие множеством когнитивных характеристик» [5: 88].

Способность человека воспринимать нечто органами слуха целесообразно рассматривать в двух ракурсах: с позиции агенса (А: я слышу сам, я – инициатор) и с позиции пациенса (П: я не могу не слышать, аудиоинтервенция на меня).

Ср.: А: 1) *Er warnte, aber ich hörte nicht auf ihn.*

Он предостерегал, но я не послушал его.

2) *Er hört gut hin, wenn der Wetterbericht angesagt wird.*

Он слушает внимательно, когда передают сводку погоды.

П: 1) *Sie horcht in das Zimmer hinein.*

Она прислушивается, что делается в комнате.

2) *Schon von weitem hörte er das Rattern des Zuges.*

Уже издалека он расслышал гул поезда.

К глагольным лексическим единицам, презентующим аудиопространство пациенса относятся: *drönen, gellen, hallen, klingen, läuten, tönen, schallen, schrillen* и др.

Например: 1) *Schritte schallen durch die Nacht.*

В ночной тишине раздаются шаги.

2) *Das Zimmer hallte vom Lachen der Kinder wider.*